
Е.Н. Пенская

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2007 г.

НОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В АМЕРИКАНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ОПЫТ¹

Дартмут & доктрина Брежнева (Dartmouth & the Brezhnev doctrine // The New Criterion. 2007. Vol. 26. October. — <http://newcriterion.com:81/archives/26/10/dartmouth-the-brezhnev-doctrine/>)

Энтони Кронман. Почему мы здесь? (Anthony Kronman. Why are we here? // The Boston Globe. 2007. September. — http://www.boston.com/news/globe/ideas/articles/2007/09/16/why_are_we_here/?page=full)

Лоренс Мишель и Ричард Ротштейн. Школа как козел отпущения (Mishel L., Rothstein R. Schools as Scapegoats // The American Prospect. 2007. October. — http://www.prospect.org/cs/articles?article=schools_as_scapegoats).

В этом номере мы решили отойти от традиционного способа наполнения раздела, отказались от публикации отдельных рецензий — отечественных и переводных — и предлагаем обозрение самых читаемых и наиболее актуальных материалов, связанных с образовательными проблемами. Обсуждаемые тексты появились в американской прессе осенью 2007 г. Важно пояснить логику отбора. Он происходил на основании трех критериев. Первый — статьи опубликованы не в специальных научных «цеховых», а в очень каче-

---

¹ При подготовке статьи использованы переводы И. Фридмана.

ственных общественно-публицистических изданиях разной политической направленности, опирающихся на хорошую экспертную культуру, вызывающую доверие читателей. Второй критерий — статьи принадлежат авторам, имеющим серьезную репутацию в академических и журналистских кругах. Их фундаментальные исследования в области образования отличаются высоким индексом цитируемости. Наконец, третий критерий — большой резонанс, вызванный в обществе данными статьями. Широкий спектр содержательных откликов можно проследить на разнообразных форумах, сайтах и в блогах. Поднимая вроде бы локальные и вполне обыденные сюжеты — скандал в одном отдельно взятом колледже, ежегодное пополнение высших учебных заведений очередной армией первокурсников, зависимость карьерного роста от уровня образования, — авторы на самом деле ставят и анализируют системные и болезненные проблемы. Одна из них — опасность «генеральных линий» в образовательной политике. Подходы, способы описания ситуации, сложившейся сегодня в американском образовании, могут быть в какой-то мере поучительны для читателя нашего журнала.

Первая статья **«Дартмут & доктрина Брежнева»** не подписана и может быть воспринята как редакционная. Она помещена в разделе «Размышления», одной из ключевых рубрик журнала *The New Criterion*, который в этом году отмечает свой двадцатипятилетний юбилей². Нынешние руководители издания — Хилтон Крамер и Роджер Кимбалл³, искусствовед и консервативный публицист, объясняя редакционную политику издания, назвали образование в числе самых приоритетных и постоянно отслеживаемых тем.

История кумулятивного конфликта, который недавно произошел в одном из старейших высших учебных заведений США, анализируется в статье «Дартмут & доктрина Брежнева». В ней проведены аналогии с затяжными военными действиями, способными нанести серьезный урон всей образовательной системе и иметь необратимые последствия. Журнал внимательно следил за всеми этапами конфликта. Вот в чем его суть.

Dartmouth College — не совсем обычный вуз. Его уникальность во многом обеспечивалась автономной структурой управления. Она работала следующим образом: в течение 116 лет, с 1891 по начало

---

¹ В 1982 г. его основали два интеллектуала, обитателя Сохо, художественный критик Хилтон Крамер (Hilton Kramer), тончайший знаток европейского искусства, и Сэмюэль Липман (Samuel Lipman), пианист, блистательный импровизатор и музыкальный критик. *The New Criterion* — это ежемесячное обозрение интеллектуальной жизни Америки, которое задает стандарты подлинной критики. Этот журнал серьезен, но не академичен, публикуемые в нем статьи, как правило, написаны живо, доступно и умно. Редакторам удалось собрать уникальный авторский пул, объединенный общей установкой — сохранять ценности культуры и выявлять «сбои» во всех сферах общественной жизни: в университетах, в мире искусства, в массовой медиа.

² «Сумерки интеллектуалов. Культура и политика в эпоху холодной войны» Хилтона Крамера (*The Twilight of the Intellectuals Culture and Politics in the Era of the Cold War*, by Hilton Kramer) и «Радикалы у власти. О политической коррупции в высшем образовании» Роджера Кимбалла (*Tenured Radicals How Politics Has Corrupted Our Higher Education*, by Roger Kimball) — эти книги вот уже больше десяти лет постоянно держатся в списке бестселлеров.

сентября 2007 г. почти половина из восемнадцати доверенных лиц попечительского совета избиралась по списку кандидатов — выпускников этого колледжа. Другая половина, не считая пары декоративных представителей местной власти, назначалась самим правлением. На практике, поскольку администрация проверяла на благонадежность как избранных, так и назначенных кандидатов, правление контролировало все голоса попечительского совета. Однако в 2004 г. произошло нечто неожиданное: необъяснимым образом в списках появилась неизвестная фигура — некий Т.Дж. Роджерс, чья кандидатура не была санкционирована правлением Дартмута. Он принял участие в выборах — и победил — как независимый кандидат (или «самовыдвиженец»). За этой «случайностью» последовал каскад интриг: вскоре в попечительский совет были избраны еще два независимых кандидата, Питер Робинсон и Тодд Живицки. Администрация Дартмута впала в панику; она попыталась взять под контроль электоральный процесс и предложила новый устав, вносящий изменения в процедуру избрания доверенных лиц. Представители администрации сделали все от них зависящее, чтобы заставить выпускников проголосовать за новый устав: привлекли вашингтонскую фирму, специализирующуюся на пиаре, и засыпали выпускников пропагандистскими материалами. Тем не менее предложенный устав позорно провалился на голосовании. Последней каплей, переполнившей чашу терпения администрации, послужило решение Стивена Смита, профессора юриспруденции в University of Virginia, выдвинуть свою кандидатуру; он также победил на выборах как независимый кандидат (в мае текущего года).

Получилось нечто несообразное: почти четверть доверенных лиц попечительского совета составляли лица, избранные большим дартмутским сообществом, а не назначенные правлением. Такое радикальное нарушение традиции и обновление состава совета, фактически вместе с администрацией принимающего решения, повлекло за собой цепочку нежелательных для администрации действий. Развернулось обсуждение актуальных проблем, начиная с вопросов о размере аудитории и чрезмерном разрастании административно-бюрократического аппарата и кончая речевым этикетом, стилистикой поведения и сохранением за Дартмутом статуса колледжа, а не «зародыша университета».

Ответные шаги администрации оказались вполне прогнозируемыми.

Сначала президент Джеймс Райт и председатель правления Чарльз «Эд» Холдеман повели себя демократично. Они дважды ставили весь комплекс горячих вопросов на голосование. Обе попытки провалились. Тогда в ход был пущен «административный ресурс». В начале сентября (промежуток между семестрами в Дартмуте) Комитет правления (Governance Committee) — состоящее из пяти человек «правление-внутри-правления», обладающее реальной властью, — издал постановление, согласно которому попе-

чительский совет был расширен за счет восьми дополнительно назначенных доверенных лиц. С какой целью? Чтобы урезать полномочия независимых доверенных лиц. Таким образом, *status quo* оказался восстановлен. Угроза вмешательства неподконтрольных сил, а значит, и реформирования предотвращена.

Война в Дартмуте попала в фокус внимания прессы. *The Wall Street Journal*, несколько сетевых журналов и другие печатные органы, обеспокоенные положением дел в высшем образовании и системой управления колледжами, вступили в полемику. Пожар в прессе разгорался. Но стратегия университетской власти в Дартмуте была выстроена безупречно в соответствии с классическими канонами поведения в конфликтной ситуации. Эти правила предписывают полное безразличие к критике, сохранение спокойствия, терпение и продолжение выработанной линии поведения. И президент Райт укреплял свою власть через Комитет правления, держа под контролем рычаги управления Дартмутом: он невозмутимо назначал себе вознаграждения, выбирал своего преемника — словом, «решал все вопросы». Как отметили некоторые комментаторы, такие манипуляции были бы невозможны в корпоративном мире.

В ходе этих дискуссий поднята очень интересная тема: отличие академических структур от обычных корпораций. Академические институты управляются самодостаточной, невосприимчивой к давлению извне, непроницаемой бюрократией, чувствительной только к умонастроениям профессорско-преподавательского состава. В Америке в этой среде господствует левоориентированная идеология. Колледжи и университеты представляют собой скорее меритократические, чем демократические институты. Поэтому они и располагаются (или должны располагаться) в башнях из слоновой кости, оторванных от жизни. Реальная проблема состоит в том, что администрации вузов — и то, что произошло в Дартмуте, прекрасно это иллюстрирует — отказываются от меритократической ориентации системы образования в угоду политизированной повестке дня, милой сердцу профессорско-преподавательского состава. Анонимный автор, вывешивающий свои статьи на весьма содержательном сайте dartblog.com, курируемом неутомимым студентом Дартмута по имени Джо Малчоу, очень точно ухватил суть современного управления академическими структурами:

«Неэффективный совет попечителей, состоящий из богатых сговорчивых дельцов (рассматривающих свой статус доверенного лица скорее как честь, оказанную им президентом в знак признательности за финансовую поддержку, чем как рабочую должность по надзору за действиями администрации), будет реагировать на любой скандал вполне определенным образом: попечители скажут президенту, чтобы он поскорее замял дело, дабы оно не испортило им репутацию; в противном случае их просиживание в купленных креслах лишается всякого смысла. В конце концов, это

была сделка: они заплатили свои деньги за честь, выражающуюся в статусе.

Такого рода доверенные лица, как правило, имеют слабое представление об академическом мире и о принципах, которые необходимо соблюдать, если мы хотим, чтобы университет функционировал должным образом. В самом деле, они не только не имеют четкого понятия о том, что представляет собой институт и что он должен делать, но и не интересуются подобными вопросами. Естественно, президент изберет тактику, направленную на умиротворение профессорско-преподавательского состава: ему выгоднее (да и легче) улажить потенциальных «нарушителей спокойствия», чем призвать их к дисциплине. В результате дело кончилось тем, что президент выполнил все требования «подрывных элементов» (каковых немало в профессорско-преподавательском составе) во всем, что касается их служебных обязанностей. По существу, у президента Райта не было выбора: если бы он не поступил так, как поступил, его уволили бы, как это случилось с Ларри Саммерсом в Гарварде».

Война в Дартмуте (как и в большинстве современных вузов Америки) очень точно укладывается в алгоритм доктрины Брежнева, если его перенести на интеллектуальную жизнь и образование. Доктрина Брежнева предполагала, что ни одна страна, входящая в «коммунистический лагерь», не имела шансов ускользнуть, т.е. сделать выбор в пользу капиталистической альтернативы. «Свобода» означала в данном случае свободу исповедовать коммунизм. Венгрия попробовала выразить несогласие в 1956 г., и вскоре улицы Будапешта заполнились советскими танками. Нечто подобное произошло и в Праге в 1968 г.

Начиная с 1960-х годов американские университеты были и остаются, за небольшими исключениями, оплотом левых сил, сформировавших язык, стиль, политическую корректность, мультикультуралистскую, антиамериканскую повестку дня. По мнению *The New Criterion*, именно левая идеологическая почва академической жизни — источник сегодняшних бед и пороков системы образования США. Вузовские администрации активно заигрывают с левой идеологией, адаптированной бюрократией под свои нужды. В университетской среде сложился уродливый союз левых активистов, бюрократов и явных реакционеров.

В Дартмуте противостояние продолжается. Существует Ассоциация выпускников колледжа, авторитетная, квазинезависимая, но слабо организованная группа, насчитывающая 68 000 человек. Она пытается отстоять свою позицию через суд. Именно Ассоциация выпускников (не путать с Советом выпускников, который является бесхребетной креатурой администрации Дартмута) выработала соглашение 1891 г., на основании которого функционировал колледж вплоть до «дворцового переворота», произведенного Комитетом правления. Преданность выпускников Дартмута своей *alma*

mater — и, главное, их готовность бороться — нельзя недооценивать. Ведь если бы не их сопротивление, председатель правления Холдман и президент Райт уже одержали бы окончательную победу.

То, что происходит в Dartmouth College, отчасти корреспондирует с нашими скандалами в сфере высшего образования (в 1990-х — начале 2000-х годов в Санкт-Петербургском и Московском университетах по поводу смены деканов на исторических факультетах [1], ну и, разумеется, самый громкий скандал 2007 г. на социологическом факультете Московского университета, впервые за всю советскую и постсоветскую историю образования, ставший предметом широкой публичной дискуссии). Такие открытые конфликты, а также включение в них разных общественных групп имеют серьезные последствия для реформирования институтов высшего образования в масштабе всей страны.

Два следующих материала в нашей подборке — это статьи-предупреждения.

О необходимости кардинальных изменений в университетской системе пишет и **Энтони Кронман**¹ в большом материале «**Почему мы здесь?»**, размещенном на двух разворотах в рубрике «Идеи» одной из старейших газет Новой Англии The Boston Globe².

Статья Кронмана — это попытка создать смысловую карту ценностных ориентаций и обозначить место колледжа (университета) как некоей центральной точки, где происходит или не происходит прояснение, обретение или выстраивание этих ценностей.

По мнению Кронмана, главная цель высшего образования — дать ключи студенту к пониманию и постановке главных вопросов: что? почему? зачем? В них-то и кроется смысл жизни и смысл получения высшего образования. Все остальное — вторично.

---

¹ Энтони Кронман — профессор юриспруденции в Йеле; автор книги «Цель образования: почему наши колледжи и университеты отказались от обсуждения смысла жизни» (Education's End: Why Our Colleges and Universities Have Given Up on the Meaning of Life).

² История издания — это часть истории просветительской и политической мысли Америки XIX в. Газета The Boston Globe была основана в 1872 г. пятью друзьями и единомышленниками, бостонскими бизнесменами, возглавляемыми Эбенем Джорданом. Экономическая сторона была просчитана довольно слабо, и, как и следовало ожидать, меньше чем через год издание столкнулось с финансовыми трудностями. В августе 1873 г. Джордан назначил генерала Чарльза Х. Тэйлора, 27-летнего ветерана Гражданской войны, на должность главного менеджера газеты. Этот выбор оказался в высшей степени удачным и в результате обернулся спасением проекта. Тэйлор сделал стремительную карьеру, очень быстро став коммерческим партнером Джордана, к этому времени единственного инвестора издания. Потомки Тэйлора унаследовали бизнес и успешно вели дело на протяжении 125 лет. Уникальность проекта заключалась и в том, что за долгие годы своей истории The Boston Globe была одной из немногих газет национального масштаба, не входивших ни в какие холдинги и синдикаты, что позволяло ей сохранять полную независимость. Однако в последнее время ситуация изменилась. 1 октября 1993 г. The Boston Globe слилась с New York Times Company, образовав крупнейший в истории США газетный синдикат. Это было историческое событие, поскольку оно ознаменовало собой альянс двух величайших газетных династий — Тэйлоров, издававших The Globe, и Сульцбергеров, издававших The Times. Потомки Джордана и Тэйлора получили значительную долю акций Times Company, но последний член семьи Тэйлоров отошел от менеджмента в 2001 г. В настоящее время главным редактором газеты является Мартин Бэрн.

Поначалу такие рассуждения выглядят по меньшей мере наивно, а переход во второй части статьи к сюжетам, связанным с гуманитарными науками, вызовет у нашего читателя привычную скуку. Но логика и опыт Кронмана сложнее. На самом деле его главный и очень серьезный тезис заключается в том, что университетское образование в силу ряда исторических причин прошло через сильную фильтрацию, в результате чего академической среде оставлены только исследовательские, научные, прикладные функции, а самые главные фундаментальные вещи отданы на откуп совершенно иным институциям: сегодня церковь стремится монополизировать эту проблематику. Образовавшийся вакуум заполняют порой случайные люди, руководствующиеся сомнительными религиозными убеждениями.

Таким образом, считает Кронман, произошло «предательство» — в студенческих аудиториях обсуждается все что угодно, только не самое главное, с чем незащищенные и неподготовленные выпускники столкнутся потом, в своей карьере, «погруженные в заботы такого срочного бизнеса, как сама жизнь». Это «предательство» сегодня всерьез опасно для общества в целом.

Почему так случилось?

Кронман видит несколько причин. Первая лежит в фундаментальном изменении идеологии и структуры университетского образования за последние полтора века. В результате трансформации резко увеличилась доля исследовательских программ. Казалось бы, что в этом плохого? Ведь и наша российская реформа высшего образования направлена на возрождение отечественной науки, восстановление разрушенной, а порой и не существовавшей прежде связки «ученый — исследователь — преподаватель», создание университета как научной и образовательной лаборатории. Однако Кронман убедительно анализирует настоящие и будущие издержки этих процессов, вроде бы вполне позитивных.

Что произошло в результате? Прагматика науки неизбежно оккупировала территорию, прежде занятую дисциплинами, ответственными за ту сферу, которую Кронман отчасти пугающе для современного российского читателя, в свое время перекормленного «вопросами духа», называет «вопросом о смысле жизни». Изначально эта территория принадлежала гуманитарным дисциплинам, в последнее время повсеместно ушедшим на периферию образования.

Однако современное устройство социума предлагает студентам самые что ни на есть «срочные» гуманитарные темы: к примеру, проблема абортов и охрана окружающей среды оказались в центре внимания. Такое «перераспределение» вопросов предоставляет колледжам и университетам реальную возможность вооружить студентов инструментами для их анализа и осмысленного обсуждения.

Парадокс Кронмана заключается в том, что он рассматривает искажение гуманитарных установок как неизбежное следствие но-

вой конфигурации, где доминируют прикладные исследования, нацеленные на получение фактических результатов. Его аргументация уязвима, поскольку необходимый альтернативный подход к университетскому образованию, им разрабатываемый, все равно опирается на исследовательскую составляющую, вне которой вообще невозможны наука и академическая система. Однако Кронман разделяет два типа исследований: первый опирается на конвертируемость знаний в конкретный и конечный результат, второй вообще исключает какую-либо конвертируемость и предполагает «любомудрие», т.е. «бескорыстное» знание. Последнее как раз и способно предложить адекватные способы и подходы к исследованию фундаментальных проблем бытия.

Как и когда произошел подобный раскол в университетском образовании?

Кронман достаточно четко выстраивает собственную периодизацию такого передела. До Гражданской войны американские колледжи были небольшими институтами с религиозными корнями; студентов обучали «высоким» профессиям, в вузах готовили врачей, преподавателей, священников и юристов. Лишь немногие американцы поступали тогда в колледжи, и образование, которое они получали, базировалось на вере, истинность которой принималась как нечто само собой разумеющееся. Пуританские богословы, основавшие Harvard College в 1636 г., видели свою задачу в том, чтобы воспитать образованного христианина-джентльмена, разбирающегося в античности и преданного Богу. Они знали ответ на вопрос о смысле жизни и добивались того, чтобы их студенты выучили этот урок назубок.

Однако после Гражданской войны американское высшее образование претерпело коренные изменения. Тысячи будущих преподавателей-американцев отправлялись в Германию, чтобы получить современное образование в своей области знаний; они возвращались с новой концепцией смысла и задач обучения, базировавшейся на новых предпосылках, беспрецедентных в истории образования. Согласно этому подходу, университет существовал прежде всего для обеспечения исследований: его первоочередная задача состояла в том, чтобы предоставить ученым-специалистам пространство, книги и другие ресурсы, необходимые для производства новых знаний.

В 1860-е и 1870-е годы горстка старейших американских колледжей, включая Гарвард, приступила к реформам, в результате которых эти вузы трансформировались из теологических учреждений в исследовательские университеты; кроме того, для поощрения исследований были открыты новые вузы, такие как Cornell и Johns Hopkins. Исследовательский идеал стал приобретать все большее влияние практически во всех областях знания и привел к радикальным изменениям в методике преподавания. Институты были разделены на факультеты, а затем на более специализированные единицы — кафедры. Факультеты философии появились

первыми, за ними последовали факультеты английского языка и литературы. В 1893 г. факультет биологии в University of Chicago был реорганизован: его разделили на пять кафедр: зоологии, ботаники, анатомии, неврологии и психологии. При этом религиозные предпосылки, на которые опиралось образование до Гражданской войны, были поставлены под сомнение, отчасти в результате торжества науки. Со временем колледжи и университеты, особенно элитарные, стали полностью автономными и специализированными учреждениями.

В процессе трансформации мира высшего образования была создана вся инфраструктура, обслуживающая исследовательскую базу: аспирантуры; научные журналы, в которых публиковались новые исследования. Централизованный контроль над фондами для исследований становился все более важным элементом организации работы вуза. От университетских профессоров требовалась солидная эрудиция и доскональное знание какой-нибудь одной (по меньшей мере) дисциплины. А студенты специализировались по избираемому ими предмету.

Тогда-то и произошло, по мысли Кронмана, размежевание естественных и гуманитарных наук. Первые органично вписались в исследовательский модус существования. Для вторых в этом плане нет однозначной оценки. Количество информации, полученной в результате новых исследований, никоим образом не повлияло на систему вопросов, находящихся вне измерительных категорий. Эти вопросы вообще стали «неудобными» и по умолчанию были вынесены за рамки учебного процесса.

Лишенные своей изначальной миссии, гуманитарные дисциплины, комплексую, расположились в тени естественных и социальных наук, занимая скромные позиции в иерархии академического авторитета и престижа.

И все-таки такой радикализм Кронмана вызывает сомнения. Можно ли изучать ключевые проблемы бытия вне религии? Где и как провести границу? Вправе ли преподаватель взять на себя такую роль? Кронман дает определенный положительный ответ, акцентируя именно аналитический процесс, ставя во главу угла *изучение*. Пример тому — появление особой категории исследователей в том же университете, с его секулярной и естественно-научной культурой. Они полагали, что вопрос о смысле жизни — вполне светский и может изучаться как научная дисциплина, на арелигиозной основе.

Весомость аргументов Кронмана в данном случае подкрепляет описание нескольких моделей — ориентиров для построения университетских альтернатив.

Одним из самых убежденных сторонников такого подхода был Александр Мейклджен, выдающийся профессор правительственного и конституционного права и президент Amherst College с 1912 по 1924 г. Мейклджен настаивал на том, что образование старшекурсников — это нечто большее, нежели подготовка к будущей

карьере. Он придавал исключительно важное значение тому, чтобы студенты исследовали, кроме всего прочего, и то, что он называл «искусством жить» — духовную дисциплину, проблематизирующую вопрос о том, как человеку следует прожить свою жизнь. Он отстаивал идею духовной серьезности в нерелигиозный век и думал, что вести подобные исследования можно — и нужно — без догматической предвзятости.

В первой половине XIX в. во многих колледжах и университетах были составлены программы, ориентированные на принципы, сформулированные Мейклджоном. Потом они выпали из каталогов, хотя кое-какие остались. Так, в Reed College в штате Орегон первокурсников обязывают пройти годичный гуманитарный курс. В Columbia University действует программа «основной свод знаний» (core curriculum), состоящая из четырех курсов, посвященных шедеврам западной литературы и философии, а также музыке и искусству. В Йеле первокурсник может записаться на программу целенаправленных исследований (Directed studies program), которая начинается осенью с Геродота, Гомера и Платона и заканчивается весной Витгенштейном, Т.Ст. Элиотом и Ханной Арендт. Эти программы различаются во многих отношениях и неизбежно отражают образовательную культуру, сложившуюся в том или ином колледже; некоторые из них носят обязательный характер, другие, как Directed studies в Йеле, даются на выбор. Но, несмотря на эти различия, все они основываются на ряде общих предпосылок, которые в совокупности представляют собой общепринятую концепцию гуманитарного образования.

Первая такая предпосылка гласит: не существует одного единственно верного ответа на вопрос о смысле человеческой жизни. Вторая настаивает на том, что количество «хороших» ответов на этот вопрос ограничено, благодаря чему становится возможным их систематическое изучение в организованном порядке. Смысл третьей предпосылки в том, что разные ответы непримиримы между собой и это обстоятельство диктует необходимость выбора между ними. Четвертая предпосылка: лучший способ исследования значимых ответов состоит в изучении великих философских, литературных и художественных произведений, в которых они представлены с неувядающей красотой и силой. И, наконец, пятая утверждает, что их изучение должно приобщить студентов к ведущейся в «большом времени» беседе, в которую вовлечены эти работы (Августин осторожно восхищается Платоном, Гоббс перерабатывает Аристотеля, Пейн осуждает Берка, Элиот вспоминает Данте, Вергилия, Гомера), и помочь им найти свой собственный аутентичный голос, т.е. стать участником разговора.

Эти программы, составленные на основе «великих книг», как мы знаем, с самого начала подвергались жесткой критике (наибольшее недоверие вызывал способ навязать студенту интеллектуальный канон, в котором доминирует европейская ментальность). Однако студенты, прошедшие через них, наоборот, обретали ин-

теллектуальную независимость и устойчивый иммунитет ко всякому рода умственным вирусам.

Гуманитарные факультеты в этой связи должны пересмотреть свои стратегии и выстроить новые исследовательские программы. Востребованность духовной проблематики становится все более очевидной. Так, в Гарварде «курс о справедливости», в котором исследуется значение этого концепта от Аристотеля до Милля и далее, вплоть до современности, ежегодно привлекает сотни студентов. А в Йеле десять процентов первокурсников (больше, чем это считается допустимым) занимаются в рамках Directed studies.

Но, может быть, еще более опасен религиозный фундаментализм, прокатившийся за стенами университетов и колледжей. Ответственные преподаватели должны увидеть в нем энергию, которая клоочет за актуализацией вопроса о смысле жизни, напрямую связанного с пониманием роли самих гуманитарных наук, которые могут и должны быть на передовой высшего образования. Фундаменталисты дают неправильные ответы, но ставят правильные вопросы. Проблема состоит в том, чтобы заново научиться задавать их в учебных заведениях. В вузах должна возникнуть альтернатива религии. Необходимо колледжам и университетам вернуть прежний статус: они снова должны стать пространством для размышлений и дискуссий.

От этого многое зависит. Вся политическая элита Америки прошла через колледжи, чего нельзя было себе представить сто лет назад. «Сочетание высшего образования с новым гуманизмом создаст условия, благоприятные для формирования не только будущих глав правительств и руководителей бизнеса, но и для общества в целом: мы увидим более насыщенные и более открытые дебаты о последних ценностях; электорат осознает, что религиозный наставник не имеет монопольного права на духовность; усилится ощущение тайны жизни, ставшее дефицитным в мире, где доминирует технократический разум», — так представляет перспективу Кронман.

Статья Кронмана — во многом реплика, адресованная авторам журнала *The New Criterion*. Возвращение утраченного гуманитарного статуса — это не панацея, но тем не менее один из возможных инструментов преодоления коррозии, поразившей университетскую среду и ставшей причиной очагов возгорания и скандальных столкновений в академической сфере. Консерваторы ищут черную кошку в темной комнате, а политкорректность, мультикультурализм и прочие священные коровы американского высшего образования — лишь симптом морального и политического однообразия, всеобщей унификации, следствие тотальной дезориентированности гуманитарных наук. Дартмут в США, соцфак МГУ в России [2] — вполне закономерный и симметричный ответ.

И все-таки, почему образование к началу XIX в. стало одной из остро конфликтных зон, самых уязвимых сфер? Не потому ли, что начиная с середины XX в. в «гонке образовательных вооружений»,

в наращивании образовательного потенциала нации эксперты искали универсальное средство решения многих социальных проблем? Это пространство, наэлектризованное ожиданиями, оказалось рассадником несостоятельных, порой ложных прогнозов, и теперь образование превратилось в «мальчика для битья», стало средоточием всех бед и грехов архаистов, новаторов, либералов, консерваторов, участников, наблюдателей, а также реформаторов и жертв многочисленных экспериментов.

Анализу ошибок и погрешностей в образовательной экспертизе посвящена третья статья нашей подборки — **«Школа как козел отпущения» Лоренса Мишеля и Ричарда Ротштейна**¹. Статья опубликована в *The American Prospect*².

Образование — это палочка-выручалочка на все случаи жизни. Но такое представление основано на преувеличении значения школьного обучения для экономики и на смешении двух вопросов. Первый вопрос: как могут американские фирмы обеспечить рост производства для повышения своей конкурентоспособности на мировом рынке? Второй вопрос: как будут распределяться плоды роста производства и почему неравенство только увеличивается?

Образование может помочь решить первую проблему, хотя и в этой сфере оно не является панацеей. Что касается второй проблемы, то уровень образования практически не имеет отношения к изменениям в распределении доходов. К счастью, доводы, основанные на представлении об «образовании-как-панацее» (господствовавшем на протяжении двадцати с лишним лет), были в последние годы опровергнуты самой жизнью. Возможно, сегодня мы

---

¹ Лоренс Мишель (Lawrence Mishel) — президент Института экономической политики в Вашингтоне. Он автор многих исследований о влиянии экономики и экономической политики на уровень жизни семей со средним и низким доходом, научных трудов, посвященных сравнительному анализу показателей уровня жизни в Америке и динамике рынка труда.

Ричард Ротштейн (Richard Rothstein) — научный сотрудник Института экономической политики. С 1999 по 2002 г. как специалист в области образования вел колонку в *The New York Times*. Автор целого ряда исследований, посвященных изучению мифов и реальности в образовании США.

² *The American Prospect* был основан в 1990 г. и вскоре приобрел репутацию одного из самых авторитетных журналов либеральной направленности. Изначально задуманный и издававшийся как ежеквартальный, журнал стал в последние годы ежемесячным; существует также ежедневная электронная версия, посещаемость которой более миллиона читателей в месяц.

Издатели журнала видят свою миссию в том, чтобы возродить лучшие традиции либерализма, возобновить его связи с американской историей и проблемами, волнующими людей XXI в. Полемика с консерваторами — содержательная стратегия издателей. Публикующиеся в журнале статьи часто носят дискуссионный характер, они вызывают споры, в которых рождаются новые идеи. *The American Prospect* — политически ангажирован, тем не менее не поддерживает конкретные партии или кандидатов и не стремится к достижению единодушия по всем вопросам. Он видит свою задачу в другом: предоставить площадку для форума, на котором можно обсуждать самые животрепещущие проблемы, волнующие авторов журнала в той же мере, в какой они волнуют всех американцев. Редакторы Каттнер, Райх и Старр выступили в свое время с заявлением: «Мы основали журнал, исходя из убеждения, что консервативный уклон в американской политической жизни был бы невозможен без активной поддержки консервативных массмедиа и аналитических центров. Наши консервативные противники сыграли решающую роль в навязывании обществу правой идеологии. Мы намереваемся добиться того, чтобы чаша весов склонилась в противоположную сторону».

лучше подготовлены к тому, чтобы разделить две проблемы — производительности и распределения — и попытаться восстановить связь между развитием производства и оплатой труда.

Авторы статьи прослеживают этапы развития идеи о всевластии образования как причины всех экономических бед и одновременно универсального лекарства от них. Целый ряд «вкладчиков» внес свою лепту.

Идея берет свое начало с доклада президента Рейгана (1983 г.) «Отечество в опасности» [A Nation at Risk, 1983]. В этом докладе говорилось, что возрастающая доля присутствия на американских рынках японских автомобилей, немецких станков и корейской стали — это результат того, что в вышеназванных странах уровень образования рабочих выше, чем в Америке.

В 1990 г. группа видных демократов и республиканцев, назвавшая себя Национальным центром образования и экономики (National Center on Education and the Economy), обнародовала доклад. Он назывался «Выбор Америки: высокая квалификация или низкая зарплата» [4]. Авторы доклада видят в повышении квалификации практически единственный эффективный способ добиться позитивных изменений в экономике. Они обосновывают прямую зависимость между нехваткой полезных навыков, обусловленной пробелами в школьном образовании, и низкой производительностью труда. Торможение радикальной школьной реформы неизбежно приведет к замораживанию заработной платы и ухудшению условий жизни 70% американцев.

Ведущие публичные интеллектуалы, такие как сооснователь журнала Prospect Роберт Райх, сфокусировали внимание на решениях, ориентирующихся на человеческий капитал, играющий ведущую роль в глобальной системе нерегулируемой экономики. В книге «Работа наций» [12]. Райх утверждает, что в международной конкуренции победят страны, в которых большинство населения будут составлять «символические аналитики», а не «рутинные рабочие». Лестер Туров в своей книге «Голова к голове» [13] предсказывает, что Западная Европа получит преимущество перед Соединенными Штатами и Японией, потому что европейские школы — лучшие в мире. Многие мейнстримовские экономисты, как либеральные, так и консервативные, единодушны в том, что повышение заработной платы и уменьшение диспропорций в распределении доходов могут быть достигнуты путем ускорения «перемен, нацеленных на развитие технологических умений и навыков»; имеется в виду, что компьютеризация и освоение других новейших технологий повышают относительную ценность образования, оставляя наименее продвинутых в этих областях школьников на обочине.

Однако ответ американских производителей на эти оценки оказался парадоксальным. Первыми нарушили схему автомобилестроители, переместив заводы в Мексику, где квалификация рабочих намного ниже, чем на американском Среднем Западе. Японские промышленники получили преимущества благодаря размещению заводов и фабрик (на которых заняты не состоящие в профсо-

юзе рабочие) в таких местах, как Кентукки и Алабама, — штатах, не славящихся высококвалифицированными рабочими кадрами. Но выпускники средних школ в этих штатах не испытывают трудностей при работе в команде и легко адаптируются к японским производственным методам, основанным на четком соблюдении временного графика.

Развитие производства создало новые ресурсы, обеспечившие устойчивый рост уровня жизни американцев. Но все это происходило как-то помимо образовательных процессов и разрушало концепцию прямой и пропорциональной зависимости успеха и благополучия от школьно-университетских дел.

В конце 1990-х годов возросли зарплаты как выпускников средней школы, так и выпускников колледжей. Даже молодые люди, не закончившие среднюю школу, стали прилично зарабатывать. Но это процветание шло помимо, а иногда и вопреки американскому образованию. Наоборот, как раз в эти годы критика средней школы достигла апогея; все чаще звучали призывы к ее приватизации по системе ваучеров.

Затем последовали такие драматические события, как крах фондового рынка (2000 г.), рецессия начала 2000-х годов и интенсификация политики, враждебной по отношению к труду; эти факторы привели к замораживанию заработной платы. Уровень жизни стал понижаться, неравенство усиливалось, и это притом что производительность труда продолжала повышаться. «Белые воротнички» потянулись в офшорные зоны — главным образом в Индию, Китай и другие страны с низкой оплатой труда; их отъезд сигнализировал о том, что глобализация обернулась для компьютерных программистов и других «символических аналитиков» потерей высокооплачиваемой работы у себя дома.

Тем не менее, считают авторы статьи, сегодня новое поколение экспертов вернулось к старым клише: школа снова требует кардинальной реформы в свете вызовов XXI в., а глобальная конкуренция снова влечет за собой «гонку образовательных вооружений». История повторяется.

Сторонники подобных взглядов получили «подкрепление» в виде книги известного колумниста газеты New York Times Томаса Фридмана «Плоский мир» [8], в которой была изложена сходная концепция. Эти идеи были воспроизведены тем же Национальным центром образования и экономики в программном документе «Трудный выбор или трудные времена» [14], который можно считать сиквелом памятного доклада 1990 г. Эта точка зрения снискала поддержку со стороны влиятельных фондов (например, Фонда Гейтса и его главы Билла Гейтса) и групп, лоббирующих интересы образовательного истеблишмента (таких, как тестирующие организации, работающие по программе ACT — American College Testing Program).

Марк Такер, один из авторов «Трудного выбора» (и президент группы, которая произвела на свет доклад 1990 г.), утверждает:

«Факт в том, что образование — это ключ к личному и общественному экономическому благосостоянию; и сегодня это верно в большей степени, чем когда-либо в нашей истории».

Бывший председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен часто обвинял школу в неадекватности: «Мы оказались неспособны удержать средний уровень подготовки будущей рабочей силы на той высоте, которая соответствовала бы возросшим требованиям постоянно развивающейся технологии».

Подобные взгляды разделяют как правые республиканцы, так и демократы-центристы. Фредерик Хесс из Американского института предпринимательства (American Enterprise Institute) и Эндрю Роттерхем, бывший сотрудник Белого дома, занимавшийся при Клинтоне внутренней политикой, напечатали совместную статью, в которой говорится: «Все проводившиеся в последнее время исследования показывают, что Америка не готова конкурировать на рынке, становящемся все более глобальным» [10]. Они обеспокоены тем, что предпринимаемые правительством усилия по уменьшению диспропорций в доходах (например, в рамках программ помощи малоимущим студентам) могут привести к дальнейшему понижению конкурентоспособности. Авторы приходят к заключению, что сегодня все внимание должно быть сконцентрировано на дальнейшем повышении технологической квалификации тех, кто уже проявил свои способности.

Экономисты из University of Chicago Кевин Мерфи и Гэри Беккер (нобелевский лауреат) недавно заявили, что есть «хорошая сторона» в неравенстве доходов, ибо такое положение вещей заставляет все большее количество выпускников школ поступать в колледжи [6]. Они предупреждают, что повышение налогов на доходы высокооплачиваемых семей и их понижение для низкооплачиваемых групп населения равносильно «налогу на поступление в колледж и субсидированию отсева из средних школ». Для людей, придерживающихся подобных взглядов, сохранение установленных при Буше низких налогов на высокие доходы — это способ стимулировать поступление в вузы.

Эта хроника «образовательной истерии», которая поддерживается властью, прессой, аналитиками, поучительна для российского читателя, вот уже несколько десятилетий переживающего реформы отечественной образовательной системы. Американский опыт показателен: подобное понимание требований XXI столетия остается таким же необоснованным, какой была сходная трактовка требований предыдущего столетия. Конечно, необходимо работать над повышением уровня школьного образования учащихся из семей, принадлежащих к среднему классу. И важно добиться, чтобы как можно больше учащихся из бедных семей получили хорошее среднее образование. Но самая большая опасность для следующего поколения исходит не от школ, а от ошибок в социально-экономической политике. И для достижения более высокой конкурентоспособности и равенства возможностей требуется нечто большее, чем улучшение работы школ.

Неправильные диагнозы, ставившиеся в начале 1990-х годов, в общем-то, имеют оправдание. Когда составлялся доклад «Выбор Америки», а книги Райха и Турова входили в число бестселлеров, в американской экономике был период стагнации. Эти авторы не могли знать, что взрывной рост темпов экономического развития не за горами. Но сегодняшние критики школьного образования не имеют такого оправдания. Существующая рабочая сила, обладающая той квалификацией, какой она обладает, продолжает обеспечивать экономический рост. За последние пять лет заработная плата выпускников средних школ и вузов почти не росла, в то время как показатели роста промышленного производства были весьма высокими: они составляли в среднем 10,4%.

Повышение квалификации рабочей силы действительно может повысить конкурентоспособность американских фирм. Но высокая квалификация, при всей ее важности, — далеко не единственный источник промышленного роста. Прозрачность рынков капитала, подотчетность корпораций, налоговая политика, государственные инвестиции в исследования, в инновационные разработки и в инфраструктуру, «честная игра» торговых систем (или ее отсутствие) — все это также оказывает свое влияние, поскольку от этого зависит, будут ли вознаграждены прилежание и изобретательность американцев. Односторонняя «заикленность» на положении дел в школах отвлекает внимание политиков от просчетов в вышеперечисленных областях.

Какое бы значение ни имело адекватное образование рабочих, каким бы важным элементом экономического роста ни была их высокая квалификация, — эти показатели не оказывают непосредственного влияния на то, каким образом будут распределены блага, полученные в результате экономического роста. Зарплата рабочих не в последнюю очередь определяется такими факторами, как налоги, трудовое законодательство, торговля, денежная политика, развитие технологий и регулирование рынка труда. Постоянное повышение квалификации кадров и уровня их образования существенно необходимо как для поддержания экономического роста, так и для сглаживания тех исторически сложившихся диспропорций, которые сказываются на уровне жизни различных расовых и этнических групп. Однако оно не гарантирует экономического успеха в том случае, если работа школ и вузов не будет поддержана политикой, которая более жестко увязывала бы оплату труда с его эффективностью [7].

Никакие школьные реформы не могут изменить политику, перераспределяющую средства, заработанные благодаря усилиям работников высокой квалификации, таким образом, что львиная доля прибыли достается собственникам и «белым воротничкам».

Выпускники колледжей, по сути дела, не являются «дефицитным товаром» на рынке труда. В документах, на основании которых составлен доклад «Трудный выбор» (но не в самом опублико-

ванном тексте) признается, что лишь «немногие молодые выпускники колледжей могут получить работу по специальности, а их реальные заработки и годовые доходы снижались в связи с ростом безработицы».

Согласно статистике, снижение реальной заработной платы выпускников средней школы сыграло гораздо большую роль в возникновении диспропорции между заработками людей с высшим и средним образованием, чем неудовлетворенный спрос на выпускников вузов. Одной из главных причин этого снижения послужило ослабление институтов регулирования рынков труда, таких как минимальная заработная плата и профсоюзы, которые ранее поддерживали доходы рабочих со средним образованием на приемлемом уровне.

В статье приведены любопытные данные, иллюстрирующие минимальный рост заработной платы впервые за последнее десятилетие. Но этот рост не позволяет подсчитать, какое количество специалистов с высшим образованием нужно, следует ли его увеличивать, уменьшать или сохранять неизменным.

Еще одно распространенное заблуждение состоит в том, что система образования была раньше удовлетворительной, потому что молодые люди могли, закончив школу (или даже бросив ее, недоучившись год-два), содержать семью благодаря наличию неплохо оплачиваемой работы на заводах и фабриках. Сегодня подобная работа исчезла, а с ней — и шанс получать средние доходы, не имея хорошего образования.

Это правда, что многих рабочих профессий не стало, как не стало и связанных с ними рабочих мест на заводах и фабриках. Но вместо них появились рабочие места, не требующие высокой квалификации, в таких секторах экономики, как сервис и розничная торговля. Зарплату сегодня определяет не уровень образования, а политические решения и профсоюзы, способные влиять на ее регулирование.

В действительности приводимые Беккером и Мерфи [6] данные подтверждают, что разрыв в уровне заработной платы между рабочими с высшим и средним образованием был сравнительно небольшим с 2001 по 2005 г. Однако неравенство по этому показателю существенно возросло за последнее время, и этот факт не может быть объяснен уровнем образования, поскольку школьное и вузовское обучение не претерпело за этот период сколь-нибудь значимых изменений. Кроме того, в других промышленно развитых странах происходил более стремительный рост количества выпускников вузов, чем в Соединенных Штатах, но там повышение уровня образования не сопровождалось усилением неравенства.

К счастью, время, когда среди нашей элиты наблюдался консенсус относительно образования как панацеи от всех бед, кажется, подошло к концу. Бурно развивающийся процесс офшоринга (перевода за границу) высокотехнологичных работ поставил под сомнение популярную в эпоху Клинтона метафору образования

как горячего, обеспечивающего скачок в эру информатики, поскольку со временем стало очевидно, что вузовское образование и навыки работы с компьютером не защищают американского специалиста от теневых сторон глобализации.

Все громче звучат голоса мейнстримовских экономистов кембриджской школы, предостерегающих от сваливания всех бед на недостаток образования: обвиняя школу в падении уровня жизни и увеличении неравенства, мы поддаемся соблазну упрощенчества. Теперь они утверждают, что до 1990-х годов развитие технологий требовало более образованных работников на всех уровнях, но сегодня происходит «поляризация», при которой технология ставит работников со средней квалификацией в невыгодное положение по сравнению как с высококвалифицированными специалистами, так и с рабочими низкой квалификации. Эти данные подрывают широко распространенное представление о том, что совершенствование человеческого капитала позволит решить проблему неравенства.

Видные экономисты, в том числе и сторонники свободной торговли, теперь также признают, что реформа системы образования не может ни обеспечить экономическую безопасность американцев, ни разрешить политические проблемы глобализации [9]. В недавнем анализе, подготовленном для индустрии финансовых услуг, два выдающихся экономиста, служившие советниками в предыдущей администрации Буша, Грант Альдонас и Мэттью Слотер, а также один из бывших советников в администрации Клинтона Роберт З. Лоуренс пишут, что с 2000 г. «только небольшая часть рабочих высшей квалификации получила существенные прибавки к зарплате. Большой экономический рост, наблюдавшийся в Америке за последние несколько лет, не отразился на заработной плате и годовых доходах основной массы рабочих; из него извлекла выгоду только «рабочая аристократия», верхушка управленцев и владельцы корпораций. Это плохая новость для выпускников вузов и обладателей ученых степеней в теоретических отраслях знаний: такой слабый рост доходов является новым и неблагоприятным явлением в нашей экономике» [5].

Даже Роберт Райх больше не верит в то, что профессия «символического аналитика» является гарантией высоких доходов. Теперь он пишет в своем блоге: «Единственная прослойка, извлекающая большую выгоду из существующей структуры экономики (ее представители зарабатывают свыше 800 тыс. долл. в год), составляет не более 1% американцев. Эти люди забирают себе почти 20% от общего дохода. (Цифра для сравнения: в 1980 г. «верхушечный» 1% забирал себе 8% от общего дохода)».

В докладе, вывешенном недавно на вебсайте Национального бюро экономических исследований (National Bureau of Economic Research), экономисты из Massachusetts Institute of Technology Франк Леви и Питер Темин пишут: «Нынешние тенденции, ведущие к увеличению неравенства в Америке, являются главным об-

разом результатом изменений в экономической политике, которые произошли в конце 1970-х — начале 1980-х годов». Далее авторы отмечают, что «неблагоприятные для развития технологии и торговли импульсы усугубляются крахом некоторых институтов» [11]. (Под «крахом институтов» Леви и Темин подразумевают подавление профсоюзов и упразднение норм, обеспечивавших относительное равенство возможностей.)

Это не те проблемы, которые могут быть решены путем усовершенствования школьных (университетских) уставов, усиления ответственности учителей (профессоров) или другими реформами среднего и высшего образования. Сбалансированная политика накопления человеческого капитала может осуществляться только путем совершенствования работы школ, но она потребует реформ в области налоговой политики, законодательства и рынка труда. Приведу только один пример. Войдя в раж, адепты установки «колледж любой ценой» скомпрометировали идею того, что было принято называть «профориентационным» (vocational) или «карьерным» (career) образованием. Следует вернуть доверие к такому подходу, считают авторы текста «Школа как козел отпущения».

Все эти факты, собранные и проанализированные в статьях, представленных в нашем обзоре, дают нам дополнительную информацию и позволяют рассматривать отечественные образовательные реформы в новом измерении.

Литература

1. Журавель А. О школе И. Фроянова // Хронос. 2003. (<http://hrono.rspu.gyazan.ru/statii/2003/shkola.html>).
2. Кагарлицкий Б. Соцфак и другие // Взгляд. 2007. 16 апреля. (<http://www.vzglyad.ru/columns/2007/4/16/77524.html>).
3. A Nation at Risk: The Imperative for Educational Reform : A Report to the Nation and the Secretary of Education United States Department of Education by The National Commission on Excellence in Education. April 1983 // <http://www.ed.gov/pubs/NatAtRisk/index.html>.
4. America's Choice: High Skills or Low Wages!: The Report of The Commission on the Skills of the American Workforce June 1990 // <http://www.skillscommission.org/previous.htm>.
5. Aldonas G., Slaughter M., Lawrence R. Succeeding in the Global Economy: A New Policy Agenda for the American Worker: a report sponsored by the Financial Services Forum, June 26, 2007 // <http://www.financialservicesforum.org/atf/cf/%7B95F7C378-E3F0-4073-AB67-ED043F25DBB7%7D/REPORT%20-%20Succeeding%20in%20the%20Global%20Economy.pdf>.
6. Becker G.S., Murphy K.M. The Upside of Income Inequality // The American. 2007. Vol. 1. No. 4. May/June (<http://www.american.com/archive/2007/may-june-magazine-contents/the-upside-of-income-inequality/>).
7. Denison E.F. Trends in American Economic Growth, 1929—1982. Washington: The Brookings Institution, 1985.
8. Friedman Th. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005.
9. Gault S. Responding to Change // Research-Technology Management. 1994. Vol. 37. No. 3. P. 23—26.

10. Hess F.M., Rotherham A.J. Can NCLB Survive the Competitiveness Competition? // Education Outlook. 2007. No. 2. June (http://www.aei.org/publications/pubID.26339/pub_detail.asp).

11. Levy F.S., Temin P. Inequality and Institutions in 20th Century America: MIT Department of Economics Working Paper. 2007. No. 07-17. (<http://ssrn.com/abstract=984330>).

12. Reich R.B. The work of nations : preparing ourselves for 21st century capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992.

13. Thurow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe and America. N.Y.: William Morrow and Company, Inc., 1992.

14. Tough Choices or Tough Times: The Report of the New Commission on the Skills of the American Workforce / National Center on Education and the Economy. Jossey-Bass, 2007. (http://www.skillscommission.org/pdf/exec_sum/ToughChoices_EXECSUM.pdf).